

Попробую сшить костюм по фигуре

“Война и мир” Прокофьева — первая премьера Мариинского театра в 2000 году (музыкальный руководитель и дирижер Валерий Гергиев, режиссер-постановщик Андрей Кончаловский, художник Георгий Цыпин). Постановка является копродукцией трупп Мариинского театра и Метрополитен-опера. За последние 20 лет театр обращается к этому произведению в третий раз. Постановка 1977 года была первой большой работой Валерия Гергиева (режиссер Б.Покровский, художник И.Сумба-ташвили). “Война и мир”, поставленная в 1989 году Г.Викком, открыла цикл постановок Прокофьева 90-х годов, с которым связана новая эпоха Мариинского театра. После премьеры в Петербурге планируется показ спектакля в рамках Большого фестиваля Мариинского театра на сцене театра Ковент-Гарден летом 2000 года в Ла Скала и в Метрополитен. Ведущие партии исполняют Алексей Стеблянко, Геннадий Беззубенков, Николай Охотников, Александр Гергалов, Анна Нетребко.

*Накануне премьеры
режиссер-постановщик
Андрей КОНЧАЛОВСКИЙ
дал интервью нашей газете.*

— После “Пиковой дамы”, которая была поставлена в 91-м году в Ла Скала и Париже, были ли у вас опыты оперных постановок? — Нет.

— С чем связаны решение вновь попробовать себя в амплуа оперного режиссера и выбор “Войны и мира”?

— Желание вернуться к оперной режиссуре было давно, но никто не предлагал что-либо интересное. “Война и мир” — это идея Гергиева, и я благодарен ему за предложение поставить оперу в Мариинском театре.

— Произведение Прокофьева — одно из тех в русской оперной классике, которые принято трактовать как героико-патриотические. В основе вашей концепции именно этот взгляд?

— Я не люблю пересказывать идею. Она должна быть скрыта. Она проявится в спектакле, и если ее не поймут, это будет моя вина. Но объяснить ее все равно невозможно. Искусство темно. Бетховен живописал Наполеона, но сейчас об этом никто не помнит, Чайковский писал о своих гомосексуальных страданиях, а мы рыдаем над другим. Никому не важно, что движет мной. Важно то, что получается в итоге. Конечно же, патриотическая тема — основа романа и оперы. Война всегда в России была моментом возникновения национальной идеи. Как только война кончалась — идея исчезала. Русских всегда объединяла война с иноземными захватчиками.

— Вы все время подчеркиваете, что постановка “Войны и мира” — это идея Гергиева. Существует ли ваш личный интерес к этой опере, считаете ли вы, что “Война и мир” Прокофьева актуальна сегодня?

— Она будет актуальна, если спектакль будет волновать. Можно актуально преподнести “Сестрицу Аленушку и братца Иванушку”, а можно взять самую актуальную тему, и к ней все останутся равнодушными. Режиссура может сделать произведение волнующим и, значит, актуальным. Патриотической идее не чужды газеты, журналы, но в нее никто не верит. Идея не может волновать, волнуют чувства. Моя задача — найти им визуальное воплощение.

— Когда Чхейдзе около 10 лет назад ставил “Игрока”, то в одном из интервью говорил о том, что в оперной режиссуре есть один неудобный момент — мешает, что кто-то все время должен петь.

— Конечно, это самое сложное. Но в этом весь смысл. Нужно создать спектакль, который создал бы впечатление, будто композитор сначала посмотрел его, а потом написал музыку. Тогда получается органичный сплав музыки и изображения. Только тогда можно добиться, чтобы изображение следовало музыке. Это как сшить костюм. У вас есть фигура. Но костюм шит так, что фигуры как будто не заметно. Режиссура — это шитье костюма по фигуре.

— Вы можете рассказать о том, что принято называть методом в оперной режиссуре? Существуют ли для вас определенные правила воплощения музыкального мира в сценический образ?

— Это труднообъяснимая часть режиссуры. Это тайна. Как можно объяснить, почему Феллини сни-

мал такие картины? Он снимал какой-то мир, который был ему дорог. Я, собственно, делаю мир, который мне дорог. Если он не будет волновать людей, значит, я провалился.

— Ваш опыт кинорежиссера и оперного режиссера как-то влияют друг на друга или это два непересекающихся творческих пространства?

— Это две разные профессии. Кино — искусство конкретное, оно не дает воли фантазии. Кино должно

психоанализ или маркиза де Сада. И все это не от большой оригинальности. Великая концепция всегда очень проста. Отсутствие ее заменяется формальными поисками. Чудо заключается в том, что нас волнуют очень простые вещи. Рахманинов писал в то же время, что и Танеев. Но Рахманинов волнует, а Танеев — нет. Рахманинов говорил, что не умеет писать модную музыку, в отличие от Стравинского. Но как холоден Стравинский, этот великий постмодернист, и как волнуется Рахманинов. И это — суть. Потому что настоящее искусство затрагивает сердце и тело. Оно минует сознание.

— Вы применяете понятие “постмодернизм” к Стравинскому. Но стоит отметить, что современный отечественный театр после эпохи психологического реализма стремительно движется в сторону эстетских и постмодернистских опытов. В этом контексте ваш взгляд на искусство как источник чувств и волнений свеж и приятен.

ФОТО А.БАЖЕНОВА

все показывать, поэтому вместо секса возникает порнуха, вместо эротики — чернуха. Кино безжалостно, потому что слишком конкретно. Задача режиссера в кино — оставить пространство для фантазии. В опере пространства для фантазий намного, несравнимо больше.

— Не было ли у вас идеи создать кинооперы?

— Это два разных искусства, и одно убивает другое. Ария певца, показанная крупным планом, — зрелище малоэстетичное. Хотя есть безусловно удачные опыты: Лоузи и Бергман. Они поняли секрет, поняли, что кинообраз убивает любой звук. Поэтому самые важные вещи должны быть спеты на общем плане.

— Ваша постановка “Войны и мира” осуществляется в контексте современных европейских оперных веяний?

— В контексте той информации, которой я владею об этих веяниях. Информация — мать интуиции. Долгое время у нас не было информации, поэтому приходилось изображать какие-то вещи, которые уже изобретены давно. Поэтому у нас в режиссуре много “самовыражавания”. У нас кажется новациями то, что давно умерло. Масса псевдоизобретений и псевдоновшеств. Ставят Чехова и приплетают сюда

— Постмодернизм возникает в ситуации, когда не могут или не знают что делать. Возникающие новшества формальны, условны. Ибо содержание человека — то же самое, что и три тысячи лет назад: кто когда родился, умрет, кто с кем спит, кто кого ненавидит. Мы боимся тех же вещей. Смейся над теми же вещами, что и тысячи лет назад.

— В “Пиковой даме” был сделан акцент на литературную первооснову. На сцене возникнул скорее Пушкин, чем Чайковский...

— Чем Модест Чайковский...

— В случае с “Войной и миром” какова ситуация? Вы больше ориентируетесь на роман Толстого?

— Либретто оперы Прокофьева более соответствует роману Толстого, чем “Пиковая дама” Модеста Чайковского — литературному первоисточнику, поэтому все гораздо проще. В опере Прокофьева присутствует то, что существует в романе и существенно для романа Толстого, то, что не теряет своего значения сейчас. Понятия, глобальные как в обществе, так и в душе человека, — “война” и “мир”.

Беседу вел
Александр
ДЕРБЕНЕВА
Санкт-Петербург